УДК 111

ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕНТР РАССМОТРЕНИЯ ПОНЯТИЙ: БЫТИЕ, СУЩЕСТВОВАНИЕ, ЭКЗИСТЕНЦИЯ

Исаев Андрей Анатольевич,
Уфимский юридический институт МВД России,
начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат философских наук, доцент,
г. Уфа, Россия.
E-mail: andisaev@mail.ru

Аннотация
Автор обосновывает мысль о том, что сегодня уяснение смысла онтологических понятий бытия и существования невозможно без связывания их с понятием экзистенции, предложенным экзистенциализмом. Онтология в современной философии должна рассматриваться, прежде всего, как антропоонтология, так как именно человек становится центром рассмотрения всех онтологических проблем.

Ключевые понятия:
человек,
бытие,
существование,
экзистенция.

Сегодня именно в единстве понятий «бытие», «существование», «экзистенция» можно уяснить смысл каждого из них. И, конечно, *человек* должен предстать центром их рассмотрения (по мысли М. Хайдеггера, это единственное сущее, способное вопрошать о бытии). На основе анализа мыслей известных представителей экзистенциальной философии в данной работе предпринимается попытка связать классические для онтологии категории бытия и существования с проблематикой человеческой жизни в мире и истории. Делается вывод, что данные связи в современной философии невозможно установить без обращения к центральному понятию экзистенциализма – «экзистенция».

Один из наиболее крупных мыслителей прошлого столетия, немецкий философ Карл Ясперс, связал экзистенциальную проблематику с историей, причем при анализе человеческого существования ключевым понятием у Ясперса оказывается понятие ситуации. Ясперс характеризует его следующим образом. Когда-то в далеком прошлом человек жил в единстве с небом и землей и улучшал лишь свое положение в рамках неизменных условий. Теперь же у человека иные условия. «В сравнении с таким временем человек оказывается оторванным от своих корней, когда он осознает себя в *исторически определенной ситуации человеческого существования*. Он как будто не может более удерживать бытие» [6, с. 288].

Посредством введения понятия ситуации Ясперс подводит к неизбежному вопросу о смысле человеческой жизни. «Ситуация означает не только природно-закономерную, но скорее смысловую действительность, которая выступает не как физическая, не как психическая, а как конкретная действительность, включающая в себя оба эти момента, – действительность, приносящая моему эмпирическому бытию пользу или вред, открывающая возможность или полагающая границу… Существуют … ситуации всеобщие, типические или исторически определенные, однократные ситуации» [Цит. по: 2, с. 9–10]. Последние и интересуют философа в первую очередь.

Следуя логике Ясперса, можно с уверенностью сказать, что именно в исторически определенной ситуации люди в силах ответить на вопрос: что есть бытие, существование, экзистенция? Бытие в данной ситуации действительно утратило изначальный парменидовский смысл, но не будем спешить, вслед за Бердяевым,

объявлять это понятие пустой объективацией, чем-то вторичным. Наверное, следует согласиться с русским философом в том, что существование глубже и первичнее бытия. Но, являясь отражением существующего, бытие, тем не менее, не гасит страсть существования, а наоборот, помогает нам еще глубже понять ее. Речь, прежде всего, здесь идет о существовании человека, а в конечном итоге – об экзистенции. Экзистенция как бытийное ядро человека с особой силой открывается ему в так называемых пограничных ситуациях. Особым случаем является смерть, открывающая конечность экзистенции. Однако смерть просто как эмпирический факт еще не есть пограничная ситуация. Лишь тогда, когда мы оказываемся перед лицом собственной смерти, смерти близкого нам человека, смерть из абстрактной возможности становится пограничной ситуацией. Это не только точка зрения экзистенциальной философии. Православие тоже говорит об этом, затрагивает эту хрупкую тему. Вот как рассуждает о смерти архимандрит Савва (Мажуко) в статье «Сын вдовы и смерть» на страницах ежедневного интернет-издания «Православие и мир»: «Что такое смерть? Кто может осмелиться говорить о ней? У кого есть такое право? Оттуда никто не возвращался… Однако есть люди, пережившие смерть и живущие с этой смертью, знающие слишком хорошо, что это такое… Тяжело хоронить родителей. Бесконечно трудно пережить супруга. Невыносима утрата любимого друга. Но ребенок. Это что-то совсем другое. Этого даже понять нельзя, невозможно себе представить, вообразить, помыслить, если сам такого не пережил. Потому что испытать смерть ребенка – то же, что умереть самому. Но это еще не все. Ты не просто умрешь, это было бы слишком легко, – ты будешь жить с этой смертью, с этой болью, глубокой, пронизывающей, ноющей. Она заберется в самую глубину. Смоет все краски. Отравит смех. Вой – единственная роскошь, оставленная мертвецу. Боль, которую ни с кем не разделишь»*. Яркое описание пограничной ситуации. Чем не пример постижения экзистенции?

По-настоящему пережив хрупкость и конечность своего существования, человек может открыть для себя существование трансцендентного мира, таинственным образом связанное с его собственным. Лишь обнаружив трансцендентное в этом имманентном мире, человеческая экзистенция может осветиться новым смыслом. «Человек, – пишет Ясперс, – всегда *больше того, что он знает о себе*. Он не одинаков во всех случаях, он есть путь; не только существование, установленное как пребывание, но и имеющаяся в нем возможность, даруемая свободой, исходя из которой человек еще в своем фактическом действовании решает, что он есть» [6, с. 378].

Бытие состоит из двух частей: мира и трансценденции. Мир доступен для научного знания. Хотя главная суть бытия как раз в трансценденции, которая недоступна науке. Но человек способен открыть и трансценденцию через философскую веру. Это понятие связано у Ясперса с понятием экзистенциальной коммуникации. Проблема возможности экзистенциальной коммуникации первоначально ставилась немецким философом в личностном плане, затем она получила значение всемирно-исторической задачи. Это перерастание проблемы из плана индивидуального в общечеловеческий и привело к превращению вопроса об экзистенциальной коммуникации в вопрос о философской вере. Философская вера находится как бы на границе между верой религиозной и научным знанием, а потому может восприниматься как прафеномен и религии, и науки. Именно эта вера возвращает человеку абсолютные, безусловные ценности, которые утерялись вместе с утратой подлинной религиозности. Такой ценностью является и трансценденция.

Этим обосновывается особая роль философии на современном этапе. Сегодня, по мнению Ясперса, она приобретает важную функцию – связать всех людей с помощью философской веры. И эту задачу призвана выполнить именно экзистенциальная философия, которая знания не дает, но указывает человеку пути достижения философской веры. *«Экзистенциальная философия – это философия бытия человека,* которая вновь выходит за пределы человека» [6, с. 380]. Надо самому, собственными усилиями достичь тайн бытия мира и собственной жизни. Достигается это через переживание пограничных ситуаций. Но экзистенциальная философия не обладает знанием того, что есть человек, в отличие от претендующих на это антропологии, психологии, социологии. «Смысл сохраняется только в

*URL: http://www.pravmir.ru/syin-vdovyi-i-smert/ (дата обращения: 22.10.2014)

том случае, если она в своей предметности остается безосновной. Она пробуждает то, чего не знает; проясняет и волнует, но не фиксирует. Для человека, который находится в пути, она служит выражением, посредством которого он сам опирается на себя в принятии направления, средством сохранения возвышенных моментов для осуществления посредством своей жизни» [6, с. 388]. Почему же экзистенциализм не знает, что есть человек, да и не претендует на это? Да потому, что он и не ставит перед собой такой задачи: познать человека. «Познанию человека наступил конец, когда было постигнуто, что его граница находится в экзистенции... Создание *метафизического предметного мира* или возможность открыть истоки бытия – ничто, если они отделены от экзистенции... В ней человек обретает покой или ясное понимание своего беспокойства и грозящей ему опасности, когда перед ним как будто спадает пелена с подлинно действительного» [6, с. 388-389]. Таким образом, бытие вне экзистенции не может быть познано, а экзистенция никак не может быть отделена от существования.

Перед сегодняшним человеком встала еще одна проблема, пожалуй, главная в современной ситуации. Если раньше физическому существованию человека угрожали силы природы, то теперь его сущности угрожает собственный, созданный им мир. «Духовная ситуация требует сегодня сознательной борьбы человека, каждого человека за его подлинную сущность. Он должен устоять в этой борьбе или быть побежденным, и это зависит от него, насколько он уверен в основе своего бытия в действительности своей жизни» [6, с. 399]. По сути дела, этот угрожающий нам мир можно определить как мир техники. И никто, кроме самого человека, не сможет решить дилемму: стать рабом технического мира или создать новые, безусловные принципы бытия в этих условиях. По выражению Ж.-П. Сартра, «человек ответственен за свои страсти» [4, с. 443].

Вот как показал М. Хайдеггер влияние техногенных процессов на бытие человека: «Земля и атмосфера Земли превращается в сырье. Человек делается людским материалом, который в нужный момент пускается в ход, ради достижения предварительно поставленных целей. Преднамеренное составление мира неукоснительно пробивает себе путь, а все это устраивается как состояние человеческого приказывания – вот процесс, который выступает наружу из скрытой сущности техники...» [5, с. 39]. В такой ситуации человеку открывается его свобода. Что же необходимо делать? Ясперс так отвечает на этот вопрос: «Теряя в кризисе мир, человеку надлежит, исходя из имеющихся у него предпосылок, вновь создать свой мир из первоначала... К нему предъявляются требования, будто он титан; он должен их признать и установить, что ему удается в становлении его самости или же, если он всех отвергнет, ему придется вести существование, в котором он не будет, по существу ни человеком, ни животным» [6, с. 399].

Как уже говорилось, бытие у Ясперса выступает как мир и трансценденция, то есть как «бытие само по себе» или «бытие, которое нас объемлет». Но, кроме того, немецкий философ выделяет и «бытие, которое есть мы» и указывает на четыре способа осознания нами этого бытия: «Мы – наличное бытие», «Мы – сознание вообще», «Мы – дух» и «Мы – возможная экзистенция». Всякое живое существо есть лишь наличное бытие в своей среде. На этом уровне жизнь человека совпадает со всякой жизнью, но при этом она обладает неким своеобразием. На втором уровне человек превращается в субъекта, а мир становится объектом «сознания вообще». То, что входит в это сознание, есть для нас бытие. Человек как «дух» – это стремление к идеям, которые не являются предметами, но проявляются в схемах и образах. Человек получает целостное представление о мире, о себе. «Эти три способа объемлющего – наличное бытие, сознание вообще, дух – суть способы, посредством которых мы есть мир, то есть в объективации этого объемлющего в предметное мы проявляемся адекватно как эмпирическое, как предмет биологического и психологического, социологического исследования и исследования в области науки о духе» [7, с. 426]. Наше бытие этим не исчерпывается. В действительности подлинный смысл мира и человека можно обрести, лишь когда прорываешься к четвертому способу – к себе, как «возможной экзистенции». «В качестве *экзистенции* я существую, зная, что подарен себе трансценденцией. Я не существую посредством самого себя в моем решении, но бытие-посредством-меня есть подаренное мне в моей свободе. Я могу отсутствовать для себя и никакая воля не подарит меня мне самому» [7, с. 428]. Именно экзистенциальному бытию человека, философской вере открывается трансцендентное бытие, а тем самым и

свобода человека. Только вера обогащает и наполняет смыслом три предыдущих уровня человеческой жизни, исходя из четвертого. «Подлинная вера есть акт экзистенции, осознающий трасценденцию в ее действительности» [7, с. 428].

Бытие человека – это становящееся, развивающееся бытие. Ясперс доказывает это положение через рассмотрение четырех уровней человеческого бытия. Проходя эти ступени, преодолевая этот сложный, тернистый путь, путь становления, человек, в конце концов, приобретает, быть может, самую главную ценность – свободу. В ней он осознает бытие в качестве экзистенции. И что же, тем самым достигнут предел экзистенциальных изысканий о человеке? Нет. «Завершения быть не может. Все время будет возникать вопрос, что есть человек» [6, с. 412]. Об этом же пишет Ж.-П. Сартр, характеризуя экзистенциалистскую концепцию человека в работе «Экзистенциализм – это гуманизм»: «В представлении экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что он первоначально ничего собой не представляет. Он станет человеком лишь позже и станет таким человеком, каким он сам себя сделает... Но человек не только таков, каким он себя представляет, но таков, каким он проявит волю стать, и поскольку он представляет себя после того, как уже начал существовать, и проявляет волю после этого порыва к существованию, то человек есть лишь то, что он сам из себя делает... Экзистенциализм делает каждого человека собственником того, что он есть, и возлагает на него полную ответственность за его существование» [4, с. 438–439].

Завершая данные размышления, можно сказать, что наиболее перспективным в наше время представляется подход к пониманию бытия как полагания, утверждения сущего человеком и для человека, а существования – как экзистенции, то есть иррационального переживания человеком своего нахождения, пребывания в мире. Бытие не только познаваемо, но и переживаемо, а значит, сущее через бытие может быть прочувствовано, пережито нами. Но сущее через переживание может явиться только в экзистенции. Этим и объясняется тесная взаимообусловленность бытия и существования. Поэтому онтологию сегодня можно определить как учение о бытии и существовании, о их взаимосвязи и взаимообусловленности и рассматривать ее прежде всего как антропоонтологию.

Мы живем в XXI веке, который характеризуется своей динамичностью, остротой и неповторимостью исторической ситуации. Понимание бытия всегда было исторично, начиная от Парменида и, по-видимому, таковым будет и впредь. Это означает, что в понятии бытия отражается, прежде всего, духовная ситуация времени. Катаклизмы, войны, катастрофы, стремительность прошлого и нашего веков привели к тому, что человеческий разум порой не справляется с возложенными на него обязанностями. На помощь приходит нечто нерациональное. Рационально-иррациональное познание или понимание – это возможный путь решения современных проблем.

Бытие, как философская абстракция, носящая определенный смысл, превратилась, по выражению М. Хайдеггера, в нечто само собой разумеющееся, а значит, и не требующее определения. Но тогда, согласимся с Н.А. Бердяевым, что такое бытие – это пустая объективация, застывшая свобода, охлажденная страсть и вообще гибель всякого творчества. Поэтому М. Хайдеггер в начале прошлого века опять востребовал это понятие, чтобы показать его новое понимание, связав с понятиями существования и экзистенции. Оказалось, что человек может и должен не только познать бытие, но и пережить его. «Бытие,– пишет Сартр, – может быть обнаружено нами лишь некоторыми средствами прямого доступа, скажем, через переживание скуки, отвращения и т.д.» [Цит. по: 1, с. 219]. И хотя А. Камю говорит о том, что не было людей, которые бы умирали за онтологическую проблему, мы можем твердо сказать: но было множество умерших *в связи* с онтологической проблемой. Ведь проблема существования человека в мире и является таковой. И «по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства» [3, с. 24], которую анализирует А. Камю, тоже является проблемой онтологической. Пути решения той или иной онтологической проблемы, встающей перед человеком, в истории философии предлагались и предлагаются разные. Многообразие этих путей, можно сказать, к счастью. Ибо право выбора означает в данном случае для человека прежде всего свободу. К сожалению, не всякий человек выбирает такой путь, который бы эту свободу расширял, а не ограничивал. Но такова жизнь, таков человек, таков ход истории.

1. Буржуазная философия XX века. М.: Политиздат, 1974. 335 с.

2. Гайденко, П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1994. С. 5–26.

3. Камю, А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 23–100.

4. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Тошнота: Избр. произведения. М.: Республика, 1994. С. 433–469.

5. Михайлов, А.В. Мартин Хайдеггер: человек в мире. М.: Московский рабочий, 1990. 48 с.

6. Ясперс, К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1994. С. 288–418.

7. Ясперс, К. Философская вера // Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1994. С. 420–508.

References

1. Burzhuaznaya, filosofiya KHKH veka (1974) [Bourgeois philosophy of the twentieth century]. M.: Politizdat, 335.

2. Gaydenko, P.P. (1994) Chelovek i istoriya v ekzistentsial'noy filosofii Karla Yaspersa [The man and history in the existential philosopher Karl Jaspers Karl Jaspers] // Yaspers K. Smysl i naznacheniye istorii. M.: Politizdat, 5–26.

3. Kamyu, A. (1990) Mif o Sizife. Esse ob absurde [The Myth of Sisyphus. Essays about the absurd] // Buntuyushchiy chelovek. M.: Politizdat, 23–100.

4. Sartr, ZH.-P. (1994) Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is Humanism] // Toshnota: Izbr. proizvedeniya. M.: Respublika, 433–469.

5. Mikhaylov, A.V. (1990) Martin Khaydegger: chelovek v mire [Martin Heidegger: man in the world]. M.: Moskovskiy rabochiy, 48.

6. Yaspers, K. (1994) Dukhovnaya situatsiya vremeni [Spiritual Situation Time] // Smysl i naznacheniye istorii. M.: Politizdat, 288–418.

7. Yaspers, K. Filosofskaya vera (1994) [Philosophical Belief] // Smysl i naznacheniye istorii. M.: Politizdat, 420–508.

UDC 111

HUMAN AS THE CENTER OF CONSIDERATION CONCEPTS: BEING, ESSENCE, EXISTENCE

Isaev Andrej Anatolevich,
Ufa Law Institute of the Ministry
of the Interior of Russia,
Head of the Department Chair
of Social and Humanitarian Disciplines,
Cand. Sc. (Philosophy),
Associate Professor,
Ufa, Russia.
E-mail: andisaev@mail.ru

Annotation
The author substantiates the idea that modern clarification of the meaning of ontological concepts of being and essence is impossible without linking them to the concept of existence proposed by existentialism. Ontology in modern philosophy should be regarded primarily as antropo-ontology, because exactly human becomes a center of consideration of all ontological problems.

Key concepts:
man,
being,
essence,
existence.